

В своих письмах в редакцию читатели часто просят рассказать о популярных киноактерах и режиссерах. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию интервью с Леонидом Гайдаем, которое взял у известного кинорежиссера специально для «Красного знамени» журналист Игорь Думкин.

Название его первой киноленты «Долгий путь» (снятой совместно с В. Невзоровым) сейчас звучит несколько символично. Позади четверть века работы в кинематографе и полтора десятка сделанных картин, и как тут не вспомнить эту ленту, ставшую началом долгого творческого пути одного из известнейших мастеров советской кинокомедии Леонида Гайдая. Пожалуй, нет среди наших зрителей ни одного, кто бы не смеялся на его лентах «Кавказская пленница», «Пес Барбос и необычный кросс», «Бриллиантовая рука», «Двенадцать стульев» и других.

Художественным руководителем фильма «Долгий путь», давшим «путевку в жизнь» Л. Гайдаю, был известный советский педагог и режиссер, народный артист СССР Михаил Ромм. И вдруг (а может быть, и не вдруг, так как Л. Гайдай мечтал об этом, еще будучи актером Иркутского драмтеатра, а потом — на режиссерском факультете ВГИКа) он снимает сатирическую кинокомедию «Жених с того света». Обе эти ленты стали как бы трамплином для третьей, знаменитой короткометражки «Пес Барбос и необычный кросс», сразу сделавшей имя режиссера популярным. И с тех пор Л. Гайдай снимает только комедийные фильмы.

— Чем вызвана Ваша любовь к комедии?

— Наверное, это свойство характера. Мне с детства нравилось, когда люди смеялись над тем, что я делал или говорил. Главное же, по-видимому, в том, что с помощью комедии можно говорить о серьезном и важном.

— Ваша знаменитая лента «Пес Барбос и необычный кросс» обошла очень многие страны мира и везде вызвала искренний и задорный

могу грешить против правды.

Смешное в своих фильмах я собираю по крупице и стараюсь его разместить по всей картине. Заранее планирую: вот здесь зритель должен улыбнуться, а здесь засмеяться. Тут должен быть гомерический хохот и так далее. Иной раз смех звучит не там, где я рассчитывал, где надеялся, что будет смешно. Каждый человек ведь понимает юмор по-своему. То, что одному кажется смешным, остроумным, в глазах другого

ражение не должно ослабевать. А есть ли у комедии еще другие законы?

— Да, конечно. Комедия должна быть понятна всем с полуслова. Иначе нельзя. Для зрителя сразу же должно быть ясно: кто хороший, кто плохой, кто кого любит. И еще: в комедии должен быть четкий ритм, она должна быть динамичной... Другие режиссеры, работающие в жанре комедии, вероятно, назвали бы иные законы. Но я придерживаюсь этих.

ЛЕОНИД ГАЙДАЙ:

«СМЕШНОЕ В ФИЛЬМАХ Я СОБИРАЮ ПО КРУПИЦАМ...»

смех зрителей. Расскажите, пожалуйста, как она родилась?

— Это было почти четверть века назад. Я хотел сделать комедию, которая была бы построена не на словесной эквилибристике, а на движении. Ведь у кинематографа такой богатый арсенал эффектных возможностей!

А у меня был замысел — пять минут чистого смеха. Чтобы не было произнесено ни единого слова, и все было понятно. Ведь когда с экрана звучит какая-нибудь реплика, зритель перестает смеяться и вслушивается. Мне же хотелось, чтобы сначала он вслушивался, а потом смеялся. Реакция зрителя не должна спадать — это закон комедии. И вот получилось, правда, не пять, а восемь минут смеха. Зрители смеялись от души, не опасаясь пропустить остроумную реплику.

— Как Вы считаете, смех — дело серьезное?

— Для меня — да. Некоторые мои коллеги-режиссеры, снимающие «серьезные» фильмы, говорят, что смеяться — это просто. Мы, дескать, не стараемся искать смешное. Оно у нас проявляется самопроизвольно, как естественная реакция зрителей на тот или иной поступок героев картины. Я бы хотел так же ответить, но не

выглядит скучно, даже глупо. — Кто-то сказал однажды, что трагедия и комедия стоят рядом.

— Смех может служить и защитной реакцией для человека. Ситуация может быть драматической, трагедийной. Но вдруг появляется какой-то особый ракурс — и все, что ранее вызывало слезы, начинает смешить. Белинский говорил, что «...искусство смешить труднее искусства трогать».

— Как рождаются замыслы Ваших картин?

— Каждая лента начинается по-разному. Замысел фильма «Бриллиантовая рука», например, родился после появления в одной из центральных газет фельетона о контрабандистах. Моя последняя работа «Спортлото-82» появилась на свет после увиденной мною рекламы «Покупайте билеты спортивных лотерей».

— Вы всегда видите кого-то конкретного исполнителя на роль?

— Не всегда, но часто. Например, сценарий «Бриллиантовой руки» писался прямо на Ю. Никулина, с учетом его богатейших актерских возможностей. А роль Степы для «Спортлото-82» — специально для М. Кокшенова.

— Вы говорили уже об одном законе комедии — нап-

— Расскажите, пожалуйста, подробнее о Вашей последней работе «Спортлото-82».

— Я и писатель-сатирик В. Бахнов задумали эту ленту давно. Но так получалось, что все время что-то отвлекало. Это смешная, но вполне вероятная история о девушке, выигравшей в «Спортлото» двадцать тысяч рублей. Разве это серьезно? (Гайдай улыбается). Мы хотели, чтобы зритель отдохнул. Играют у нас, кроме М. Кокшенова, известного актера М. Пугвин и молодые актеры: Светлана Аманова из Щепкинского училища; Денис Кмит, только что закончивший школу-студию МХАТа, и молодой актер московского ТЮЗа Альгис Арлаускас.

— И традиционный вопрос — о Ваших планах.

— Их нет и никогда не бывает. Когда я заканчиваю картину, я сразу же судорожно начинаю искать тему следующей ленте. Перечитываю сценарии, которые приносят на студию, слежу за журналами, газетами. Вдруг падается что-то интересное. Иногда из одной газетной заметки может родиться сценарий. У меня железное правило, которого я придерживаюсь уже в течение двадцати лет: каждые два года должна выходить моя новая лента.